

ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Н.Ф. ФЁДОРОВА В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО «ПЕРС»

О.С. Сухих (Нижний Новгород)

Традиции в русской литературе: международный сборник научных трудов. Ниж. Новгород: Мининский университет, 2014. С. 242-251.

Поскольку сам автор романа «Перс» назвал его «книгой о месте» [1] – Апшероне, то в смысле тематическом, формальном можно отнести это произведение к течению геопозтики: «Повествователь – и внимательный краевед, всматривающийся в элементы материального мира, и романтическая душа – подробно и с любовью расписывает драгоценную природу, вынимает на свет судьбы, исторические хроники и мифы, связанные с югом Азербайджана, и замешивает тесто одного, хоть и небольшого по территории, но невероятно интересного топоса» [2]. К тому же это роман и о «месте, поглощающем время», автор отмечает здесь сосуществование разных культур и цивилизаций, а герои стремятся «вычислить» законы времени, изменить жизнь. С этим связана утопическая составляющая содержания произведения, то есть перед нами повествование не только собственно о месте, но в то же время и о «месте, которого нет».

Утопическая концепция формируется в сознании Перса – Хашема Сагиди, образ которого, наряду с Апшероном, – в центре внимания автора. Его взгляды представляют собой сложную систему, в которой сосуществуют черты *суфизма*, точнее одного из его течений – хуруфизма, и идеи *русской философии*, прежде всего, Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Фёдорова.

В истории организованного этим героем «Апшеронского полка имени Велимира Хлебникова» можно увидеть параллель – конечно, весьма своеобразную, но тем не менее отчётливую – «Братьям Карамазовым». Роман Ф.М. Достоевского фактически начинается со встречи братьев, которые по ходу действия узнают друг друга по-настоящему. В романе «Перс» действие, по сути, тоже начинается именно со встречи Ильи Дубнова и Хашема Сагиди – друзей, которые называют себя братьями: настолько общим является их прошлое, настолько многое их связывает и в настоящем. У Ф.М. Достоевского Иван Карамазов, начиная свой главный разговор с Алёшей, обращается к нему: «...нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота... Ты из-за чего все три месяца глядел на меня в ожидании? Чтобы допросить меня: «Како веруеши али вовсе не веруеши?» [3]. У А. Иличевского герой-рассказчик Илья точно так же стремится понять, во что верит и для чего живёт его друг-брат, и постепенно ему открываются сокровенные мысли, жизненное credo этого человека. Причём в их диалогах тоже речь идёт о мировых вопросах: о судьбе мира, о Боге и человеке, о власти над временем и историей.

Иван Карамазов выражает суть своего взгляда на мир в «Легенде о великом инквизиторе», в которой литературоведы видят один из истоков

жанра *антиутопии* [4; 5; 6]. Устами Алёши автор романа утверждает, что Иван создал «хвалу Иисусу, а не хулу», то есть, сам того не желая, показал весь ужас инквизиторской власти и тем самым «от противного» доказал истинность христианского пути. Поэтому, если смотреть с точки зрения Ф.М. Достоевского, то Иван действительно написал антиутопию. Однако сам сочинитель поэмы «Великий инквизитор» представляет Алёше (и читателю) тот «социальный проект», который считает разумной альтернативой злу, царящему в мире, он полагает, что показал единственно возможную организацию общества, при которой люди «устроены» и счастливы, то есть субъективно Иван создал *утопию* (просто таково свойство любой социальной утопии – постепенно превращаться в антиутопию, и поэма Ивана трансформируется таким образом прямо на глазах читателя).

Перс в романе А. Иличевского тоже своего рода утопист. Он также создаёт свою идеологию и «социальный проект», которые представляются ему единственной разумной альтернативой царящим вокруг безумию и хаосу. Но эта его концепция пока ещё не переросла в антиутопию, даже не успела до конца реализоваться. По ходу действия она проясняется, приобретает интересные черты.

Если по национальности, по темпераменту и формальной конфессиональной принадлежности Хашем Сагиди – человек *Востока*, то по истинному «наполнению» мировоззренческой концепции, по стремлению даже в повседневности решать судьбы мира и искать путь к всеобщему счастью он, скорее, наследник *русской философской мысли*: Достоевского, Фёдорова – и такой же «русский мальчик», как Иван Карамазов. Не случайна такая деталь: Илья отмечает, что его друг мог бы найти себя в России, поскольку и мечтает, и ненавидит, и думает на русском языке.

Итак, философская концепция и утопическая идея этого героя берут начало именно в русской философии, хотя он делает всё, чтобы окружающие видели в нём суфия, хуруфита. В тех местах, где он живёт, суфизм обладает большим авторитетом – в романе упоминается, что исламисты хотя и считают Хашема еретиком, но не решаются с ним бороться: «Сеиды ... остерегались авторитета суфизма (который щитом оберегал Хашема...)» [7]. Возможно, здесь кроется причина того, что именно это религиозное течение герой использует в качестве *декларируемой* веры, хотя она, по сути, не соответствует его наиболее глубоким убеждениям. Если суфизм является течением мистическим, иррациональным [8; 9] и утверждает возможность «растворения» человека в Боге [10], то Хашем Сагиди – крайний рационалист и «ищет Бога конкретно в человеке, хотя бы в устройстве его мышления» [7]. Неудивительно, что Илья характеризует его как суфия «произвольного»: «он бы не выдержал даже простейшей догматической экспертизы» [7]. Суфизм/хуруфизм – это его «лицо» для окружающих, а рассказчику (значит, и читателю) он со временем открывает другое «лицо». Так же, например, великий инквизитор для своих подданных, воспитанных в уважении к христианству, является христианином, хотя в действительности следует

совершенно иным принципам, которые субъективно считает благими для человечества и открывает лишь Пленнику.

Исходный момент развития мысли Хашема Сагиди, как и Ивана Карамазова, и его героя великого инквизитора, – *неприятие существующего мира*, поскольку он слишком несовершенен. Иван развивает мысль о том, что невозможно согласиться с бессмысленной жестокостью земного мира. Его великий инквизитор не приемлет такого закона жизни, по которому большинство людей, слабых и порочных, обречено на вечные муки, тогда как спасутся лишь «великие и сильные». Он не может смириться и с тем, что свобода, дарованная человеку Христом, приносит обычным людям лишь страдания, приводит их к преступлениям, кровопролитию, саморазрушению. Хашем Сагиди, говоря о конце мира, о его извращённости, приводит лишь один, но весьма красноречивый и ёмкий пример – фотографии детей в фашистском концлагере: «...апокалипсис уже свершился. Для того, кто не хочет этого понять, я предлагаю один простой способ. Этот неверующий человек должен один раз в день взглядывать на фотографию, где изображены дети в Освенциме» [7]. Осознавая существующую несправедливость, все три названных героя стремятся изменить мир. «Может, пора повзрослеть, исправиться и исправить мир...» – говорит Хашем Сагиди, развивая мысль персонажей Ф.М. Достоевского.

Все «спасители мира», в том числе и герои Ф.М. Достоевского и А. Иличевского, берут на себя ответственность за «исправление» порочной действительности, считая, что им дано знать, как именно это осуществить. Каждый из них, *являясь, по сути, атеистом, опирается в своём намерении исправить мир лишь на собственный разум, ставит себя на место Творца*. Великий инквизитор в поэме Ивана Карамазова для обычных людей – «наместник Бога», он убеждает их, что действует во имя Христа, понимая, что иначе они не пойдут за ним, (хотя самому Пленнику он признаётся, что исповедует антихристианские идеи и по-своему решает судьбу мира). В романе А. Иличевского герой заходит, пожалуй, даже дальше: он собирается себя объявить Всевышним. И программа его действий вполне соответствует пути великого инквизитора: это те же «советы»-искушения, которые кардинал в поэме Ивана Карамазова называет законами мировой истории.

Первый из них – «обратить камни в хлебы». В романе «Перс» показано, насколько плохо в материальном отношении живут и работники заповедника, и люди вокруг: «...бескрайнее поселение жалких лачуг, образованное десятками тысяч беженцев. Бежавшие от войны, лишившиеся своих домов, земли, обезумевшие от горя и смерти, они оказались на краю бездны и едва смогли как-то на нем укрепиться... Особый, загнанный несчастьем люд» [7]. Человек, измученный бедностью и бесперспективностью, легко верит во что угодно. Хашем говорит своему другу Илье: «Ну что ты хочешь от страны, где были сняты последние препоны мракобесию, где обездоленность развивает воображение только в одном направлении – спасения, которое должно прийти извне, а не изнутри?» [7]. На таком социальном фоне «Апшеронский полк»,

организованный Персом, представляется «островком спасения», а его руководитель – почти всесильным «сверхчеловеком». Всё произошло так, как и предсказывал великий инквизитор: люди дошли до взаимоистребления и нищеты и уже готовы преклониться перед тем, кто даст им хлеб и спокойную жизнь. Правда, в Ширване все с особым почтением относятся к Хашему Сагиди не только из соображений материального благополучия, но всё же причина эта далеко не последняя. Он в разговоре с Ильёй формулирует важную мысль: «Прежде чем требовать от людей добра, их надо накормить» [7], фактически повторяя слова великого инквизитора: «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели» (с.230). И герой А. Иличевского всеми силами стремится свой «Апшеронский полк» обеспечить «хлебом земным». Егеря готовы предоставить полную власть Персу, потому что без него им не выжить: «Если бы не наш командир, мы бы все давно с голода передохли, души бы наши пропали. Пусть что хочет делает, он учитель» [7]. Знаменательно, что произносящий эти слова человек отмечает прямую зависимость жизни души от материальных условий существования, подтверждая правоту Хашема Сагиди и его литературного предшественника – великого инквизитора.

Второе искушение, принимаемое героем «Легенды», – «*овладеть совестью*» людей с помощью «чуда, тайны и авторитета». Что касается Перса, то если описывать характер его влияния на окружающих, именно эти три слова будут, пожалуй, самыми точными и ёмкими: людей влекут и восхищают «чудо» его разносторонних способностей, тайна его обширных знаний и авторитет его духовной силы. Вроде бы нет ничего сверхъестественного в знаниях Хашема Сагиди о природе, в способности сочинять и переводить стихи, но для егерей Апшеронского полка, да и для других жителей Ширвана это все – настоящее чудо, кто-то из них называет Перса пророком, кто-то – Богом: «Все почитают. Он природу, науку знает, он поэт, он Бог», – говорит один из егерей. «...в него верили... - пишет рассказчик Илья. - К нему отовсюду стекались люди» [7]. И герой стремится усилить своё влияние, чтобы Богом его называли не только в переносном смысле. Например, Хашем – а на самом деле Илья, использующий американские лекарства, – лечит местных жителей, и в округе разносится слух о чудесных исцелениях, формируется настоящий культ Хашема, с которым борются старейшины-сеиды. Затем у него даже возникает идея имитировать воскрешение человека, и он уговаривает знакомую девушку сыграть роль воскрешаемой, правда, осуществить эту идею не успевает. В принципе, это даже было бы лишним, потому что и без этого Хашем Сагиди обладает свойством влиять на сознание окружающих.

В несовершенном мире люди страдают, и им нужно утешение – из этого исходят и великий инквизитор, и Перс у А. Иличевского. Герой «Легенды» видит самый эффективный способ помощи человеку в *утешительном обмане*. Он касается многих сторон бытия и в том числе – **вопроса о вечной жизни** (в которую сам кардинал не верит). О простых, ничтожных и слабых людях инквизитор говорит Пленнику: «Тихо умрут они,

тихо угаснут во имя твое, и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною» (с.236), а Иван добавляет: «...чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми» (с.238). Герой романа «Перс» тоже видит *один из главных вопросов бытия в проблеме вечной жизни, а одну из основных причин страданий людей – в их страхе перед смертью*. По мнению Хашема Сагиди, людям «нужно знать, что они не умрут, чтобы не плакать по ночам, ... нужно хоть что-то светлое, пусть ритуально, пусть пустышка сверкает, а хотя и искрой высекает в потемках их душ хоть что-то человеческое» [7]. Правда, в отличие от великого инквизитора, герой А. Иличевского действительно верит, что в будущем бессмертие возможно, но пока ещё это «сверкающая пустышка», которая будет «манить» людей, как и утешительная ложь великого инквизитора.

Третье искушение, определяющее, по мнению героя «Легенды», перспективы развития человечества, – взять власть и объединить всех в «общий и согласный муравейник» (с.235). Примерно так и поступает Перс в рамках своего «Апшеронского полка», который функционирует как единый организм, где все равны и все друзья, где раз и навсегда заведён определённый порядок, и теперь Хашему даже не нужно в обычных обстоятельствах отдавать распоряжений, чтобы шла налаженная работа. Как пишет герой-рассказчик Илья Дубнов, он строит «социальную крепкую конструкцию» [7].

Государство великого инквизитора организовано по принципу *тоталитаризма*, который является закономерным итогом стремления осчастливить обычных людей, жаждущих «хлеба земного» и жизни в «общем и согласном муравейнике». В романе А. Иличевского *такого итога ещё нет*. Его герой ни разу не оказывается в ситуации, когда нужно использовать насильственные методы. Абсолютному большинству окружающих не приходит в голову ему противостоять, а если появляется человек, способный с ним спорить (обычно это человек со стороны), то он легко и открыто вступает в такой спор, это никак не снижает его авторитета, а лишь усиливает его. В «Апшеронском полку» царит полное духовное единство и в работе, и в театрализованных действиях (постановках библейских сцен), и в дервишеских танцах и т.д. Лишь один раз герой-рассказчик Илья выражает мысль о том, что настанет момент, когда это *может стать небезопасным*: этот «полковой театр» – «игра, которая перестанет быть игрой сразу после первой крови» [7]. Однако это остаётся только предвидением: «крепкая социальная конструкция» Хашема Сагиди ещё находится в такой стадии развития, когда опасность пока не проявилась. Возможно, его решение объявить себя Всевышним как раз и проистекает из того, что он хочет исключить возможность каких-либо социальных эксцессов, которые пришлось бы пресекать насильственным путем или же утратить власть.

Основа концепции великого инквизитора – это *утилитарная этика*, провозглашающая нравственным всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей, и допускающая возможность *пожертвовать*

отдельными людьми ради общего благоденствия. Эта этическая доктрина во всей её полноте не выражена во взглядах Хашема Сагиди, однако элемент такой философии в его мировоззрении присутствует. Когда он и Илья спасают редких птиц хубар от арабских шейхов, собирающихся устроить на них соколиную охоту, Илья задумывается об отношении своего друга к этим дрофам, на разведение которых он потратил столько сил и которыми так дорожил, что готов был ради них на большой риск. Рассказчик понимает, что для Хашема главное – сохранить *всю популяцию*, но его не волнует судьба *отдельной* птицы: «...заботы Хашема иного, чем у людей, порядка. Его не тревожат потери одной-двух – десятка хубар, его не трогает та или иная отдельная птица... Он жизнь отдаст именно за общность, но не станет церемониться ради одной штуки. В этом был некий внечеловеческий смысл, новое действие, ... казавшееся родом жестокости» [7]. Здесь уместно будет вспомнить о том, что *птиц Хашем уподобляет людям*. Когда он рассуждает о том, сохранится ли популяция на новом месте, то проводит параллель с исходом евреев из Египта: «...есть надежда, что популяция приживется. У евреев, когда они по пустыне ходили, у них крылья были подрезаны. Моисей ждал, когда только птенцы останутся, чтобы народ смог взлететь в Святую Землю» [7].

Как упоминалось выше, Хашем Сагиди считает, что людей нужно *избавить от страха смерти*. С этим связана суть его «новой веры», она идёт от «**Философии общего дела**» **Н.Ф. Фёдорова**. Как пишет в своей статье А. Латынина, из текста непонятно, сам ли Перс дошёл до идеи бессмертия или прочитал Н.Ф. Фёдорова [11]. Но, скорее всего, он воспринял эту мысль через творчество своего поэтического кумира Хлебникова. В прошлом он играл в самодеятельном театре в пьесе о Хлебникове. Руководитель театрального кружка Штейн, имевший на Хашема, тогда ещё школьника, серьёзное влияние, рассказал ему, как Хлебников в Персии однажды долгое время искал оставленное в снегах тело убитого Мирзы Кучик-Хана, которого почитал как пророка революции, и хотел попытаться воскресить его. Впоследствии Хашем прочитал запись Хлебникова (из архива): «Мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия» [7]. Вероятно, отсюда и берёт исток увлечение Перса идеей воскрешения мёртвых. Действительно, в творчестве Хлебникова отразилось влияние фёдоровской концепции: «По существу, Фёдоров стремился к свершению глобальной онтологической революции. Этого же хотел и Велимир Хлебников, поэт-футурист и мыслитель-утопист» [12]. О том же думает и Перс у Иличевского. Вот что он говорит об ожидаемом новом Мессии: «Ну, скажем, он организует и возглавит мировой институт, который финальной своей функцией поставил бы задачу воскрешения мертвых. Воскресить всех, независимо от того, что произошло с телами: куда делись кости и где их искать. Потому как воскрешение основывалось бы на расшифровке всей генетической библиотеки ныне живущих, каждый бы своим ДНК давал информацию о предках» [7]. Идея почти фёдоровская, с той лишь разницей, что философ

предполагал создание «человеческого музея», т.е. сохранение мельчайших материальных частиц, оставшихся от человека, чтобы по ним впоследствии восстановить его тело. Н.Ф. Фёдоров полагал, что смерть – абсолютное зло и долг людей – бороться с ним. В этом назначение человека, предначертанное Богом, с точки зрения автора «Философии общего дела», а грехом является уклонение от этого «общего дела», смирение перед смертью. Именно эту идею развивает герой А. Иличевского: «...не бывает полной жизни без воскресения. Притом что привычка к смерти – самое безнравственное, что может дать нам цивилизация... Вот здесь – да, я должен допустить необыкновенность. Без воскрешения нет дороги. Воскрешение мертвых – вот конечная задача цивилизации. В эту задачу входит все – и развитие человека, и развитие природы. Воскрешение мертвых должно стать венцом сообщества людей, подлинным венцом Творения. И как раз здесь наука обязана стать вожаком цивилизации...» [7]. На науку возлагал надежды и автор «Философии общего дела», считая, что постепенно её развитие приведёт человека к бессмертию.

С точки зрения Н.Ф. Фёдорова, человечество, осуществляя своё «общее дело» борьбы со смертью, должно не только достичь вечной жизни. Философ считал, что в процессе познания всего сущего человек может прийти до новой ступени эволюции: он изменит саму свою физическую природу, научится питаться, не убивая никого и ничто: будет, например, преобразовать в себе энергию солнца и минералов. Человек, по убеждению Н. Фёдорова, сможет со временем летать как птица, плавать как рыба и будет становиться всё совершеннее. В этом аспекте роман «Перс» тоже можно рассматривать как проекцию фёдоровских идей. Мысль об изменении своей природы есть и у героя романа А. Иличевского. Он с самого детства боролся с собственной физической ущербностью, с врождённой болезнью, постоянно совершенствовал своё тело и в конечном итоге приобрёл невероятную силу и особенную красоту большого, мощного животного. Но дело даже не только в этом. Когда Хашем Сагиди готовится объявить себя Всевышним и повести за собой людей, он приходит к выводу, что ему больше нельзя жить низкими человеческими потребностями. В результате он перестаёт есть, и Илье приходится кормить друга насильно, чтобы спасти ему жизнь. В той же плоскости лежит стремление Перса приблизиться к птицам, летать на кайте, знать птичий язык, вывести формулу птичьего пера. Не случайно его называют Гушмуллой – Повелителем птиц или Священником птиц, а его отряд егерей – летучей коммуной: среди местных жителей бытует мнение, что они умеют летать на птицах. Когда же Хашем погибает, кто-то – видимо, убийца – осыпает его птичьими перьями. Хотя, скорее всего, это была злая ирония, но на самом деле эта деталь придаёт натуралистически решённому эпизоду определённую высоту и вносит в него поэтическую ноту.

В отношении Перса к заповеднику и вообще к природе есть «фёдоровское» стремление как можно глубже понять её законы и познакомиться с ними других; как писал Н.Ф. Фёдоров, «объединить всех учёных и неучёных, в деле изучения и управления слепую силою» [13].

Правда, Перс прямо не декларирует такой цели, как изменение этих законов во благо человечества, но если рассматривать названное выше стремление в контексте всех взглядов героя, то оно вполне вписывается в его концепцию власти над миром ради совершенствования этого мира.

В «Досках судьбы» В. Хлебникова Хашем Сагиди видит и даже расшифровывает формулу времени, которая позволит предсказывать события и тем самым обрести власть над временем и историей. Этот взгляд на неограниченные возможности человека смыкается с идеей достижения бессмертия.

Хашем Сагиди, уверенный, что новый Мессия должен быть борцом за преодоление смерти, в конечном итоге решает объявить Мессией себя. Используя религиозные чувства людей, он хочет повести их новым путём, и из его взглядов следует, что это путь «фёдоровский». Идеи Н.Ф. Фёдорова составляют «ядро» утопической философии героя произведения А. Иличевского. «...русский мыслитель, – пишет исследовательница наследия Н.Ф. Фёдорова С. Семёнова, – создал не только социальную, но и своеобразную космическую «утопию». В своем учении он посягает не на тот или иной общественный строй, а на весь природно-мировой порядок. Если в основе многочисленных утопий лежала извечная человеческая мечта о справедливом и счастливом устройении на земле, то в основе фёдоровского проекта лежит дерзновеннейшая мечта о полном овладении тайнами жизни, о победе над смертью, о достижении человеком богоподобной власти в преображенном мироздании» [14]. Герой А. Иличевского ставит перед собой именно такого рода задачи.

А в финале романа выражается, на наш взгляд, мысль о том, что воскрешение человека стало возможным и состоялось. Илья Дубнов, специалист по геологоразведке, на протяжении действия ищет некое первоначало жизни – колонию микроорганизмов, от которых происходит всё живое на земле. И, наконец, он находит жидкость, содержащую искомый исток жизни. В финале романа, когда Илья видит Хашема умирающим, то, несмотря на безнадёжность положения, пытается чем-то помочь и дает ему эту жидкость – «Луку» (Last Universal Common Ancestor – таково название этого вещества, сокращенно — LUCA, что Илья переименовывает на русский манер: Лука): «Я дотянулся до его губ и вытряхнул из пузырька Луку. Хашем закашлялся. По сию пору не знаю, зачем я это сделал. Но нужно было что-то делать...» [7]. А потом, очнувшись от обморока, он не находит тела своего друга. Вернувшись в Ширван через четыре года, Илья неожиданно сталкивается с удивительными странностями: кто-то высадил в степи целое поле тюльпанов, которые они с Хашемом любили и выращивали в детстве; исчезают из сарая Хашема его кайт, на котором только он мог летать, и архив, который интересовал лишь его. Наконец, рассказчик видит возрождённый «Апшеронский полк», хотя ему известно, что никого из прежних егерей здесь больше нет и некому было передать традиции другим. Как понимать эти странности? А. Латынина [11] в своей рецензии пишет, что, вероятно, появились новые адепты культа Хашема, считающие его

пророком, погибшим смертью мученика, и обожествляющие всё связанное с ним. Но можно (помня о «Луке» и об идее воскрешения) понять финал и иначе – как свидетельство того, что Хашем Сагиди жив. Эпизод, в котором кто-то летит на кайте, как будто спускается с неба, а на земле люди поклоняются ему, отсылает к идее Перса объявить себя Всевышним, которая, возможно, и осуществилась в художественном мире произведения.

В целом финал, как и всё содержание романа, вызывает много вопросов: это «роман мощных вопросов, а не ответов» [11]. Когда однажды один из героев спросил Хашема Сагиди о Боге, тот сказал: «Ваш вопрос останется без ответа». Эту его фразу автор мог бы сделать эпиграфом к своему роману и адресовать читателю, желающему получить однозначные ответы на вопросы о сущности взглядов героя, о его судьбе, о человеке и Боге, о вечной жизни.

Примечания:

1. Иличевский А. «Быть персом — функция становления...» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chaskor.ru/article/aleksandr_illichevskij_byt_persom_funktsiya_stanovleniya_19045. Дата обращения - 30.10.2014.
2. İmanov Anar. «Перс» - Самый азербайджанский роман [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.meydan.tv/az/site/culture/704/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%81---%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D0%B9-%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD.htm>. Дата обращения – 30.10.2014.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 тт. Т.14. - Л.: Наука, 1976. – С.212-213. Далее ссылки на это издание даются лишь с указанием страниц в круглых скобках.
4. Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. - М.: ИМЛИ РАН, 2005.
5. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. - 1988. - № 4. - С.125-134.
6. Ланин Б.А., Боришанская М.М. Русская антиутопия XX в. - М.: ТОО «Онега», 1994.
7. Иличевский А.В. Перс [Электронный ресурс]. – URL: <http://libs.net/index.php?id=44820>. Дата обращения - 6.11.2014.
8. Насыров И. Р. [К вопросу о сущности исламского мистицизма \(суфизма\) // Религиоведение](#). - 2007. - № 4. - С.37-43.
9. Хисматулин А.А. Суфизм. - СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское востоковедение», 2008.
10. Айдын Ариф оглы Али-заде. Философия, история и терминология суфизма // Архив электронного журнала «Суфий» [Электронный ресурс]. – URL: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2005/05/04/term/#more-1018>. Дата обращения – 11.11.2014.
11. Латынина А. Судьба пророка в XXI веке. О романе А. Иличевского «Перс» [Электронный ресурс]. – URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2010/10/la13.html. Дата обращения - 30.10.2014.
12. [Хайруллин](#) К. Тема бессмертия в творчестве Велимира Хлебникова и Николая Заболоцкого [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/zin/2014/4/12h.html>. Дата обращения - 8.11.2014.

13. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. - М.: Мысль, 1982. – С.58.
14. Семёнова С.Г. Н.Ф. Фёдоров и его философское наследие // Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. - М.: Мысль, 1982. - С.17.